

УДК 343.13
ББК 67.410.2

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ЮРИДИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКОМ УГОЛОВНОГО ПРАВА

А.П. Рожнов

В статье анализируются перспективы законодательного признания постановлений Пленума Верховного Суда РФ источниками уголовного права. Формулируется вывод, что такие постановления уже являются фактическим источником уголовного права. Высказывается мнение, что осуществляемая Верховным Судом РФ латентная (скрытая) криминализация отдельных деяний противоречит принципу законности и не отвечает назначению уголовной репрессии в демократическом обществе.

Ключевые слова: юридический источник уголовного права, правотворческая деятельность, судебная практика, уголовный закон, постановления Пленума Верховного Суда РФ, руководящие разъяснения, уголовная противоправность, латентная криминализация.

Поиск пути устойчивого развития России, начатый еще с середины 80-х гг. прошлого столетия, не может не отражаться и на действующем позитивном праве. Как следствие, возникает потребность в реакции правовой науки, призванной понять, осмыслить и спрогнозировать происходящие изменения, а главное, повлиять на их развитие с помощью правовых средств. Не случайно, что в период реформирования страны внимание правоведов привлекают новые проблемы. Видимо, закономерно и то, что даже научные дискуссии прошлых лет вновь появляются в повестке дня и вновь актуализируют те проблемы, которые, казалось бы, уже давно разрешены и преодолены многолетним опытом отечественной науки.

Одним из таких новых «старых» вопросов, который в современной юридической проблематике занимает лидирующее положение, является возможное признание судебной практики в качестве формального источника права.

Нельзя сказать, что дискуссия о роли и месте судебной практики никак не влияет на позитивное право и правоприменение и ведется исключительно в умозрительной плоскости.

Наиболее ярким примером «узаконения» практики как источника права в сфере регулирования экономической деятельности является постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 февраля 2008 г. № 14 [19], которым были внесены дополнения в ранее принятое им же постановление от 12 марта 2007 г. № 17 «О применении Арбитражного процессуального кодекса РФ при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам». Данным постановлением Пленум высшей судебной инстанции страны в области экономической юрисдикции дал новое толкование «существенных для дела обстоятельств, которые не были и не могли быть известны заявителю» (ч. 1 ст. 311 АПК РФ в редакции до принятия Федерального закона от 23 декабря 2010 г. № 379-ФЗ [26]), когда приравнял к таковым практику применения законодательства, определенную Высшим Арбитражным Судом РФ (далее – ВАС РФ) в постановлении его Пленума или в постановлении Президиума того же Суда, принятого по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора. Иначе говоря, с 14 февраля

2008 г. появилась легальная возможность пересматривать по вновь открывшимся обстоятельствам решения арбитражных судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, если ранее такие судебные постановления основывались на положениях законодательства, практика применения которых впоследствии была иначе определена в постановлении Пленума ВАС либо же в постановлении Президиума ВАС, принятого по другому делу со сходным составом фактических обстоятельств.

С одной стороны, как правильно отмечалось в юридической периодике [2; 14], ВАС РФ весьма предусмотрительно избавил себя от наплыва однотипных дел, которые были разрешены по нормам права в их истолковании, отличавшемся от понимания, постулированного гораздо позже либо в постановлении Пленума ВАС по результатам обобщения дел соответствующей категории, либо в постановлении Президиума ВАС по конкретному делу.

С другой стороны, Пленум ВАС РФ явно и очевидно вторгся в сферу законотворчества и, по сути, под видом толкования существующей нормы создал в арбитражном процессе абсолютно новое основание для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам. Революционность и абсолютно правотворческий характер подобного подхода к пониманию «существенных для дела обстоятельств» заключались в том, что нормоположения ч. 1 ст. 311 АПК РФ ни прямо, ни косвенно, ни в системе с иными предписаниями данного Кодекса не позволяли считать «существенными для дела обстоятельствами» новое понимание закона, применявшегося иначе ранее при рассмотрении гражданских дел. Традиционно и доктрина, и практика, и сам законодатель под «существенными для дела обстоятельствами» всегда подразумевали именно «фактические обстоятельства» – «юридический факт, существовавший в момент разрешения дела» [1, с. 225; 4, с. 415]. Разумеется, новое понимание закона, констатированное Пленумом или Президиумом ВАС после рассмотрения дел, где вновь истолкованный закон был понят и применен иначе, никак не могло быть ни юридическим фактом, ни тем более обстоятельством, существовавшим в момент рассмотрения дела.

Тем не менее сформулированная ВАС РФ правовая позиция была в целом поддержана

Конституционным Судом РФ в постановлении № 1-П от 21 января 2010 г. [15], а затем и внедрена в текст АПК РФ Федеральным законом от 23 декабря 2010 г. № 379-ФЗ [25] путем дополнения главы 37 АПК РФ новым основанием для пересмотра уже разрешенных дел.

Таким образом, в сфере арбитражной подведомственности законодатель в 2010 г. официально признал и легализовал и нормативную, и казуальную судебную практику ВАС РФ в качестве «нормального», вполне официального юридического источника права.

С учетом пристального внимания руководства страны к модернизации судопроизводственной сферы в целом [27] и к оптимизации регулирования гражданского и арбитражного процессов (изменения АПК и последние изменения в ГПК [24; 26]) не за горами и изменения, которые грядут в сферу уголовного правосудия. Таким образом, вопрос о правовой природе казуальной практики разрешения уголовных дел, а также вопрос о сущности постановлений Пленума Верховного Суда РФ как результата обобщения практики рассмотрения определенной категории уголовных дел возникают уже в достаточно предметной и сугубо прагматической плоскости.

Отсюда в свете возможного реформирования юридических источников уголовного права, когда постановления Пленума Верховного Суда РФ (по аналогии с постановлениями Пленума ВАС) в том или ином виде могут быть признаны законодателем в качестве одного из источников данной отрасли, представляется принципиальным определиться с возможностью и, главное, полезностью потенциальных нововведений.

Вопрос о природе постановлений Пленума Верховного Суда СССР, РСФСР, а затем России и в период советского этапа развития науки, и в современный период всегда был и остается спорным.

Самое, пожалуй, радикальное мнение о том, что представляют из себя постановления высшей (а тогда и единственной) судебной инстанции страны, было высказано видным советским криминалистом М.М. Исаевым, полагавшим, что «руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР являются одним из источников советского права. Такие постановления... являются подзаконными

актами и могут восполнять пробелы... законодательства» [5, с. 44].

В целом сходную с М.М. Исаевым, но все же более умеренную позицию по данному вопросу занял другой известный советский криминалист М.Д. Шаргородский. Анализируя существующую практику, ученый полагал, что в ряде случаев Пленум Верховного Суда СССР занимается прямым правотворчеством и создает новые нормы права [28, с. 148]. В подтверждение своего взгляда в специальной работе, посвященной источникам советского уголовного права, М.Д. Шаргородский привел постановления Пленума Верховного Суда СССР от 24 декабря 1942 г. «О судебной практике по делам о самогоноварении» и от 20 июня 1942 г. «О квалификации повреждения посевов и урожая на землях, отведенных под коллективные и индивидуальные огороды для рабочих и служащих»: в первом случае в условиях военного времени Пленум предписывал случаи скупки сырья с целью выработки самогона и последующий его сбыт, а также скупку самогона и его сбыт квалифицировать по аналогии со ст. 107 УК РСФСР 1926 г., предусматривающей ответственность за спекуляцию; во втором случае погрова посевов на негосударственных землях, отведенных для организации коллективных и индивидуальных огородов рабочих и служащих, подлежала квалификации по аналогии со ст. 79 УК РСФСР 1926 г. как умышленное повреждение имущества, принадлежащего государственным или общественным организациям и учреждениям.

К чести ученого, такое широкое применение аналогии уголовного закона, предписываемое судам пусть даже и в условиях военного времени, им не приветствовалось и прямо называлось неправильным. Вместе с тем, как писал М.Д. Шаргородский, «...и при исключении столь широко понимаемых на практике прав Верховного Суда СССР... выходящих за рамки ст. 75 Закона о судостроительстве, указания Пленума Верховного Суда СССР будут являться одним из источников действующего права» [там же].

Однако большинство советских криминалистов не разделяли описанного подхода. В хрестоматийной для уголовного права монографии «Советский уголовный закон» Н.Д. Дурманов

указывал, что пленумы Верховных судов СССР, РСФСР и других союзных республик не могут и не вправе в своих постановлениях заниматься правотворческой деятельностью, создавать новые нормы права; их назначение в правореализационной судебной деятельности исчерпывается только разъяснением действующих законов (включая и уголовный), то есть раскрытием их содержания [5, с. 45–47]. «В своих руководящих разъяснениях, – писал Н.Д. Дурманов, – Верховный Суд СССР и верховные суды союзных республик дают такое понимание действующих законов, которое в принципе должно быть дано в практике и без такого разъяснения, если бы все суды правильно понимали данный закон» [там же, с. 46].

Следует заметить, что, расходясь во мнениях относительно природы постановлений пленумов верховных судов Союза ССР и союзных республик, советские криминалисты, тем не менее, были единодушны во мнении об обязательности их указаний при применении норм уголовного права нижестоящими судами при рассмотрении уголовных дел в качестве судов первой, кассационной и надзорной инстанций. При этом данная обязательность отразилась даже в именовании результатов работы пленумов, облакаемых в форму постановлений: «руководящие указания» (по Закону о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик 1938 г. [7]) или, позже, «руководящие разъяснения» (Положение о Верховном Суде СССР 1957 г. [8]).

Дискуссии о возможной правотворческой роли Верховного Суда СССР и верховных судов союзных республики несколько поутихли в так называемый «застойный период» существования страны и вспыхнули с новой силой уже на постсоветском этапе после распада СССР и суверенизации России. Причем новые аспекты анализируемой темы стали даже еще более радикальными – спектр дискуссии расширился от признания за Верховным Судом РФ правотворческой функции до возможной констатации необязательности издаваемых им постановлений.

Представляется, что причиной радикализации общеправовых и отраслевых исследований по теме стало новое законодательство реформируемой России, включая текст

ее Конституции, принятой 12 декабря 1993 года.

Так, в соответствии со ст. 126 Основного Закона Верховный Суд РФ, являясь высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за их деятельностью и «дает разъяснения по вопросам судебной практики».

Таким образом, с принятием в 1993 г. Конституции РФ разъяснения, даваемые Верховным Судом РФ по вопросам судебной практики, перестали именоваться «руководящими». И именно это обстоятельство позволило многим ученым, преимущественно специалистам в области уголовно-правовой проблематики, прийти к выводу о необязательности даваемых Верховным Судом РФ разъяснений, в том числе и тех, которые формулируются по результатам обобщения практики рассмотрения судами той или иной категории уголовных дел. Как пишет А.И. Рарог, «...из Конституции РФ не вытекает, что Пленум Верховного Суда РФ обладает правом давать хотя бы только судебным органам толкование уголовного закона, имеющее обязательную силу...» [21, с. 52]. Аналогичные мнения были высказаны А.Н. Красиковым [9, с. 76], Ю.М. Ткачевским [23, с. 111] и многими другими учеными, представляющими в современном правоведении уголовно-правовую доктрину.

Но едва ли такая экстравагантная точка зрения основывается на буквальном толковании конституционного текста. Авторы, указывающие на необязательность постановлений Пленума Верховного Суда РФ, упускают из виду, что само по себе полномочие Верховного Суда давать разъяснения по вопросам судебной практики включено в текст Основного Закона, в связи с чем сам собой напрашивается вопрос: если такие разъяснения необязательны для нижестоящих судов (как минимум), то зачем тогда такое полномочие специально отражать в тексте Закона страны, который имеет приоритет над всеми иными законами, и тем самым перегружать его ненужной, излишней, бесполезной информацией? Как остроумно за-

мечено А.В. Наумовым в контексте критики мнения А.И. Рарога, из вывода об отсутствии обязательности разъяснений Верховного Суда, даваемых по результатам обобщения практики однородных дел, закономерно вытекает вывод об их необязательности. Отсюда текст ст. 126 Конституции РФ должен выглядеть примерно следующим образом: «Верховный Суд РФ, являясь высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам... *дает необязательные для судов разъяснения по вопросам судебной практики*», или «...дает разъяснения по вопросам судебной практики, которые *необязательны для судов и других органов применения права и носят рекомендательный характер*». Абсурдность подобной редакции статьи 126 очевидна! [13, с. 63].

Бесспорно, любые постановления Пленума Верховного Суда РФ, в том числе и по уголовным делам, обязательны для нижестоящих судов, почему судебные приговоры, решения, определения, вынесенные вразрез с разъяснениями Пленума, подлежат безусловной отмене или изменению в апелляционном, кассационном или надзорном порядке. Такой взгляд на юридическую силу указанных постановлений является преобладающим и в учебной литературе по уголовному праву [20, с. 19].

Но достаточная определенность в решении вопроса о юридической силе постановлений Пленума Верховного Суда РФ еще не предвещает выводов об их юридической природе в контексте возможного отнесения названных разъяснений к числу юридических источников уголовного права.

Сложность поставленной проблемы иллюстрируется хотя бы тем, что точки зрения ведущих современных криминалистов страны порой менялись на диаметрально противоположные за короткий отрезок времени.

Своеобразным «фурором» в отрасли уголовного права явилась в свое время статья А.В. Наумова в журнале «Российская юстиция» [12, с. 8–11] и изданный фактически сразу после этого авторский курс лекций по уголовному праву, где автор ратовал за признание судебного прецедента источником уголовного права, а сам судебный прецедент усматривал и в руководящих разъяснениях, издаваемых Верховным Судом на основании

обобщения судебной практики [10, с. 257–260; 11, с. 110–111].

Однако романтизм эпохи 90-х гг. прошлого века сменился жесткими реалиями XXI столетия, развенчавшего (в очередной и который раз!) миф о независимости, самостоятельности судебной власти. Не по этой ли причине в своей статье в журнале «Уголовное право», увидевшей свет после существенной «модернизации» действующего Уголовного кодекса [13, с. 59–63], автор отводит разъяснениям Пленума Верховного Суда лишь только роль официального нормативного судебного толкования уголовного закона и в качестве главного недостатка разъяснений указывает на встречающийся в них временами «выход за рамки судебного толкования и попытки “присвоить” правотворческие функции, подменив тем самым законодателя» [там же, с. 62]? Заметим, что подобная мысль ведущего ученого страны в отрасли уголовного права прямо противоречит его же идее (высказанной около 17 лет назад на страницах юридической печати) о том, что «каждый новый судебный прецедент расширяет или, наоборот, сужает представление правоприменителя о содержании уголовно-правовой нормы, расширяя или сужая разновидности фактического поведения, адекватного его отражению в “букве” уголовного закона» [12, с. 10]. Причем в цитируемой статье существование прецедента в сфере уголовной судебной юрисдикции, в целом положительно оцениваемое А.В. Наумовым, иллюстрировалось теми «праворазъяснительными» постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, когда последний фактически расширял границы уголовно-наказуемого по сравнению с тем, как таковые были определены в самом уголовном законе [там же, с. 8–9].

Вместе с тем безотносительно от позиций тех или иных представителей отраслевой доктрины, почти все ученые едины в одном – «по факту» судебная практика давно уже является юридическим источником уголовного права наряду с Уголовным кодексом и иными (до 1996 г.) законами. Под видом толкования уголовного закона практика (и текущая, и нормативная) достаточно часто вторгается в сферу законодателя и расширяет границы запрещаемого Кодексом поведения вопреки действительной воли правотворца, отраженной в

той или иной норме в момент ее принятия. Поэтому представляется целесообразным вектор научного поиска сместить в несколько другую, сугубо прагматическую плоскость: что мы приобретаем и теряем от возможной легализации практики (например, как это было сделано в сфере хозяйственной юрисдикции) как еще одного, наряду с Законом, формального источника права?

Не отрицая фактического существования судебной практики как еще одного субсидиарного, дополнительного источника уголовного права, все же хотелось бы высказать ряд соображений, не позволяющих, по нашему мнению, легализовать практику в качестве официального источника уголовного права.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 действующего Уголовного кодекса РФ уголовное законодательство РФ состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс.

Таким образом, сам законодатель четко очертил круг источников уголовного права, отнеся к таковым только федеральный закон, принятый в виде Кодекса.

Правда, ч. 1 ст. 1 Кодекса не совсем корректна: провозгласив, что источники отрасли исчерпываются только настоящим Кодексом, законодатель по непонятным причинам предписал включать в Кодекс только законы, предусматривающие уголовную ответственность. Между тем предмет регулирования отрасли не исчерпывается только отношениями, связанными с совершением преступления. Почему возможен вывод, что иные отношения, составляющие предмет криминальной отрасли, могут регулироваться нормами и других, помимо Кодекса, источников, в том числе и *не законами*.

Однако независимо от шероховатостей формулировок ч. 1 ст. 1 Кодекса по вопросу о регламентации уголовной противоправности, воля государства в этой области очевидна и недвусмысленна – признаки преступного могут описываться только в Уголовном кодексе. Причем эта воля следует не только из ч. 1 ст. 1 УК, но и из всей системы его предписаний. Так, например, в ч. 1 ст. 14 УК РФ дается понятие преступления, под которым понимается «*деяние, запрещенное настоящим*

Кодексом». А принцип законности, закрепленный в ст. 3 УК РФ, также заключается в необходимости определять преступность деяния только настоящим Кодексом и в запрете применения уголовного закона по аналогии.

Казалось бы, роль судебной практики предопределена рядом положений Общей части (ст. 1, 3, 14 и др.) Уголовного кодекса, в связи с чем постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам могут быть только актами официального нормативного толкования положений уголовного закона, являющимися обязательными для судов и других органов в системе уголовного правосудия. Причем с учетом особой роли отрасли в механизме правового регулирования толкование уголовного закона ни при каких условиях не может быть расширительным, а должно быть буквальным или ограничительным. Кроме того, данное толкование должно быть направлено на познание воли правотворца в том виде, как эта воля была сформулирована на момент принятия закона, и в том виде, как эта воля нашла свое объективное выражение во вне – в тексте правовой нормы. Как правильно замечено Н.Н. Вопленко, «не намерения и мотивы законодателя, оставшиеся за пределами созданного им нормативного акта, а государственная воля, содержащая в себе меру и объем свободы, официально выраженной и объективно закрепленной в письменной форме, – является объектом познания и интерпретации» [3, с. 14].

Однако формально-логические выводы закона о роли практики еще (увы) не предрешают их линейной адекватности фактам правовой реальности, фактам наличного бытия права. Разумеется, судебная практика не создает и не может создать уголовно-правовой запрет именно так, как это делает законодатель. Вместе с тем практика довольно часто проявляет себя через латентное расширение границ уголовной противоправности, не согласующееся с буквальным содержанием норм уголовного закона.

Сравнительно «безобидным» примером латентного расширения границ уголовной противоправности может быть позиция Пленума Верховного Суда РФ по вопросу об окончательности преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ и заключающегося в вовлечении

взрослым лицом несовершеннолетнего в совершение преступления.

В соответствии с п. 8 утратившего силу постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» [16] преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ, предписывалось считать окончанным с момента совершения взрослым лицом действий, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления независимо от того, совершил ли он преступление или нет.

Однако при неизменности текста запрета, изложенного в ст. 150 УК РФ, ныне действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (п. 42) предписывает считать вовлечение окончанным только в случае, если совершеннолетний совершил окончательное преступление, приготовление к преступлению или покушение на преступление. В случае же, если несовершеннолетний не совершил противоправные действия, оцениваемые как преступные (хотя на стадии приготовления), действия взрослого лица по вовлечению должны квалифицироваться по ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 150 УК РФ – как покушение на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления [18].

Таким образом, при неизбежности законодательного запрета одни и те же действия преступника из-за меняющихся позиций Верховного Суда в разное время подлежали различной квалификации – как окончательное преступление, предусмотренное ч. 1, 2, 3 или 4 ст. 150 УК до 1 февраля 2011 г., или же как покушение на то же преступление после 1 февраля 2011 г., что также различно отражалось на дифференциации и индивидуализации ответственности.

Более серьезным примером расширения границ противоправности является п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [17], который позволил квалифицировать как мошенничество те ситуации, когда оформление прав на чужое имущество производится через их судебное узаконение, при котором

жертвой обмана или заблуждения со стороны преступника становится не собственник имущества, а судебная власть. Причем собственник имущества может занимать при рассмотрении дела активную позицию и возражать против признания за истцом прав на свое имущество. Таким образом, вопрос о его обмане или введении его в заблуждение исключается, хотя по буквальному смыслу ст. 159 УК РФ адресатом обмана или злоупотребления доверием является только собственник похищаемого имущества. Тем не менее судебная практика не без помощи Пленума Верховного Суда РФ идет по пути квалификации таких деяний по ст. 159 УК РФ, применяя соответствующий запрет по аналогии и тем самым восполняя законодательный вакуум криминализации.

Примеры скрытой (латентной) криминализации деяний, реализуемой Верховным Судом в постановлениях его Пленума под видом толкования уголовного закона, можно было бы продолжить. Однако ясно одно – законность таких постановлений сомнительна, обязательность их очевидна, а бесконтрольность латентного правотворчества Верховного Суда вредна и опасна.

Общеизвестно, что уголовный закон (по крайней мере в идеале) – это гарантия безопасности индивида, в том числе и от произвола публичной власти. Не об этом ли писал великий русский философ В.С. Соловьев, когда определял право как «принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [22, с. 785]?

Как правильно замечено А.Э. Жалинским, социальной функцией признака противоправности, воплощаемого в уголовном законе, является реализация «потребности общества в обоснованном, разумном и возможно справедливом насилии» [6, с. 347]. Поэтому данное насилие будет отвечать действительным насущным интересам общества только при создании «условий участия общества в процессах легитимации государственного насилия, когда процесс принятия и реализации решений, формирующих признак противоправности, разделен между законодательной, исполнительной и судебной властью» [там же]. В этой связи в предметной сфере регулирования отрасли уголовного права любое скрытое,

судебно-келейное «законотворчество» девальвирует идею справедливости уголовного закона, компрометирует публичную власть и еще больше противопоставляет ее народу.

Следовательно, в перспективе законотворческих работ надо подумать не о признании практики еще одним источником уголовного права, а о создании понятного и реально работающего механизма контроля за казуальной и нормативной интерпретационной деятельностью высших судов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбитражный процесс : учеб. для вузов / под ред. М. К. Треушников. – М. : БЕК, 1993. – 416 с.
2. Верещагин, А. Прецедент отлили в граните / А. Верещагин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.arbitr.ru/press-centr/smi/26592.html>. – Загл. с экрана.
3. Вопленко, Н. Н. Толкование права : монография / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – 126 с.
4. Гражданский процесс : учебник / под ред. М. С. Шакарян. – М. : Юрид. лит., 1993. – 560 с.
5. Дурманов, Н. Д. Советский уголовный закон / Н. Д. Дурманов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 320 с.
6. Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009. – 400 с.
7. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. канд. юрид. наук Л. И. Мандельштам. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1956. – С. 98–107.
8. Закон СССР от 12 февраля 1957 г. «Об утверждении Положения о Верховном Суде СССР и о внесении изменений и дополнений в статьи 104 и 105 Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1957. – № 4. – Ст. 84.
9. Красиков, А. Н. Преступления против права человека на жизнь: в аспектах *de lege lata* и *de lege ferenda* / А. Н. Красиков. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 220 с.
10. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть / А. В. Наумов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 736 с.
11. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – М. : БЕК, 1996. – 560 с.

12. Наумов, А. Судебный прецедент как источник уголовного права / А. Наумов // Российская юстиция. – 1994. – № 1. – С. 8–11.

13. Наумов, А. Юридическая природа и значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ по применению уголовного законодательства / А. Наумов // Уголовное право. – 2011. – № 2. – С. 59–63.

14. Плешанова, О. Судебный прецедент стал конституционным / О. Плешанова, А. Пушкаря. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: URL: <http://www.arbitr.ru/press-centr/smi/26559.html>. – Загл. с экрана.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Производственное объединение “Берег”, открытых акционерных обществ “Карболит”, “Завод “Микропровод” и “Научно-производственное предприятие “Респиратор”» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 6. – Ст. 699.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Российская газета. – 2010. – 14 марта (№ 50).

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета – 2008. – 12 янв. (№ 4).

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. – 2011. – 11 февр. (№ 29).

19. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 февраля 2008 г. № 14 «О внесении дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

от 12 марта 2007 г. № 17 “О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам”» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2008. – № 3. – С. 54–55.

20. Практикум по уголовному праву : учеб. пособие / под ред. Л. Л. Кругликова. – М. : БЕК, 1997. – 501 с.

21. Рарог, А. И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ / А. И. Рарог // Государство и право. – 2001. – № 2. – С. 51–57.

22. Соловьев, В. С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра / В. С. Соловьев. – Минск : Харвест, 1999. – 912 с.

23. Ткачевский, Ю. М. Толкование уголовного закона (§ 4 главы IV) / Ю. М. Ткачевский // Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Зерцало-М, 2002. – С. 108–115.

24. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4197.

25. Федеральный закон от 23 декабря 2010 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6994.

26. Федеральный закон от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 50. – Ст. 6611.

27. Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 898.

28. Шаргородский, М. Д. Избранные работы по уголовному праву / М. Д. Шаргородский. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 434 с.

ON THE ISSUE OF THE RECOGNITION OF THE COURT PRACTICE AS A LEGAL SOURCE OF THE CRIMINAL LAW

A.P. Rozhnov

The prospects of the legislative recognition of the Plenum’s decisions made by the Russian Supreme Court as the criminal law sources are probed in this article. The author comes to a conclusion that such decisions are already the factual source of the criminal law. It is suggested that the latent (concealed) criminalization of some acts made by the Supreme Court of Russian Federation contradicts to the principle of legality and does not accord with the appointment of the criminal repression in the democratic society.

Key words: *legal source of the criminal law, legislative activity, court practice, criminal law, decisions of the Russian Supreme Court’s Plenum, directing interpretations, criminal unlawfulness, latent criminalization.*